

П. В. Западалова

ИКОНОГРАФИЯ ДРЕВНЕРУССКИХ ЦАРСКИХ ВРАТ XVI ВЕКА И ЧИН ВХОДНОГО

*Работа предоставлена кафедрой истории русского искусства
Санкт-Петербургского государственного университета.*

Научный руководитель – кандидат искусствоведения, доцент В. А. Булкин

Царские врата древнерусского иконостаса являлись не только важным элементом храмового убранства, символическим входом в царство св. Троицы, но и важной составляющей богослужения. Перед ними читались молитвы, ими входили и исходили священнослужители в важнейшие моменты литургии.

Это влияло на их иконографию. Доказательство этого влияния по мнению автора статьи – в соответствии иконографии врат содержанию молитв входа, произносимых священником перед царскими дверьми в самом начале богослужения.

Ключевые слова: Древнерусское искусство, царские врата, богослужение, входное (молитвы входа перед началом литургии).

P. Zapadalova

ICONOGRAPHY OF THE OLD RUSSIAN ROYAL GATES AND THE INFLUENCE OF DIVINE SERVICE ON IT (PRAYERS OF ENTRANCE)

The iconographical programme of the Russian Royal Gates of the 16th century contains images of the Old Testament Trinity, Mother of God and the Saviour Not Made by Human Hand. The origin of these images on the Royal Gates is connected with the content of prayers that a priest said in front of the Royal Gates before he entered a sanctuary at the beginning of a liturgy.

Key words: iconography, Old Russia, Royal Gates, 16th century, divine service, prayers of entrance.

Истолкование иконографии древнерусских царских врат давно занимает исследователей [5; 12, с. 6–10; 13; 17; 20, с. 166–170; 22, с. 43–57; 24, с. 39–45; 25; 31, S. 75–77; 29]. К настоящему моменту выявлены основные смысловые грани данного элемента иконостаса. Легко считываемая иконографическая программа лицевых изображений райских дверей свидетельствует об их восприятии средневековым сознанием как вход во Свята Святых христианского храма. Идея входа во Свята Святых, распавшаяся на множество образов-синонимов, образов-атрибутов, стала главной темой их иконного убранства, причем ее воплощение могло быть различным: это и прямое изображение Свята Святых (см. македонские райские двери середины XVI в. с Введением Богородицы во храм [30, р. 188–189]), и косвенное (атрибутивное) – посредством изображений шестикрылых ангелов, которыми была расшита завеса Свята Святых [16, с. 328–330] (см. столбик царских врат из Архангельского областного музея изобразительных искусств (АОМИИ № 169-држ, вторая пол. XVI в., 131×10, 3×8) [4, с. 304–313]). Еще одна смысловая грань образов райских дверей – их литургическая программа. Уже Д. Сперовский, один из первых исследователей их иконографии заметил, что «священные изо-

надлежность царских дверей, сени и столбцов подчинены одной общей идее: все они имеют отношение к бескровной Жертве, которая совершается во святом алтаре» [22, с. 55].

В этой статье нам бы хотелось продемонстрировать характер связи богослужения с изображениями райских дверей иконостаса. Мы попытаемся раскрыть одну из сторон данной темы, а именно тему взаимосвязи иконографии райских дверей с молитвами входа. Уже начало ознакомления с текстами литургий Василия Великого и Иоанна Златоуста говорит нам об этой связи. Вступительную часть до возгласа «Благословенно царство...», открывающего литургию, образует корпус входных молитв. Священник читает их перед дверьми церкви, а затем перед царскими вратами. Эта часть богослужения предшествует облачению церковнослужителей и проскомидии и знаменует собою их духовное приготовление к совершению литургии. В. Феличетти-Либенфельс возводит появление связи молитв входа и иконографии райских дверей к XII в. [31, S. 73–75.]: поскольку в этих молитвах поминалось Благовещение, этот сюжет был выбран как основной в их иконографической программе. В древнерусских богослужебных текстах перед царскими вратами среди входных молитв также произносился тропарь и кондак Благо-

вещению, отвечающий проходящей через все древнерусское искусство традиции размещения образа Благовещения в навершии створок райских дверей [14; 8, с. 195–196]: «Днесъ спасения нашего главизна, и еже от века таинства явление, Сын Божий, Сын Девы бывает, и Гавриил благодать благовестует, тем же и мы с ним Богородице возопиим: радуйся, Благодатная, Господь с Тобою», «Взбранной воеводе победительная, яко избавльшеся от злых, благодарственная восписуем Ти раби Твои, Богородице, но яко имущая державу непобедимую, от всяких нас бед свободи, да зовем Ти: радуйся, Невесто Невестная» [18, с. 74–77].

Дошедшие до нашего времени источники позволяют расширить представления о влиянии входных молитв на иконографию византийских райских дверей. Среди этих молитв содержались такие, которые были обращены к Богородице и Христу. Их введение было, вероятно, связано с победой иконопочитания: по обе стороны от входа в алтарь размещались иконы Христа и Богородицы [6, с. 51, 57; 26, с. 174; 19]. Уже в Византии образы Спасителя и Богоматери могли быть не в интерколумниях темплона, а на столбиках райских дверей. «Святые врата вимы серебряные, полностью позолоченные, между тонкими же ксерфионами – Благовещение, вес их составляет 19 литросов или 58 эксагиев, а их столбиков – 4. Навершия (та αρμοσφίνια) святых врат серебряные, полностью золоченые, с изображениями Христа и Богородицы, вес их составляет 3 литроса» (1118 г., Устав константинопольского монастыря Богоматери Благодатной) [23, с. 372]. Этот письменный источник, впервые опубликованный на русском языке в 2000 г., заставляет задуматься о происхождении традиции убранства древнерусских царских врат. Можно утверждать, что традиция размещения образов Христа и Богородицы в навершиях столбиков древнерусских царских врат имеет византийские корни, и не случайно уже первые дошедшие до нас русские памятники содержат поясные изображения Христа и Богоматери (ГТГ № 15015, 15017, вторая половина XV в.) [21, с. 259].

В практике богослужения древнерусской церкви перед царскими вратами среди молитв входа перед началом богослужения были не только молитвы, обращенные напрямую к горнему миру, но и молитвы, обращенные к Богу через его икону. Речь идет о молитве «Пречистому твоему образу поклоняемся, Благий» [8, с. 115, 195]. Вероятно, данная молитва инспирировала вовлечение в иконографию древнерусских райских дверей образ Спаса Нерукотворного (см. сень царских врат второй половины XVI в. (ГМЗРК № И-1035); венчающую часть столбика врат середины – второй половины XV в. (КБИАХМ № Дж-626)) [3, с. 40–43].

Если внимательно отнестись к иконографии древнерусских райских дверей XVI в., то ее продуманность, претворенная в ее соответствии действиям и молитвам священника перед райскими дверями, выступает еще рельефнее. Материал XVI–XVII вв. наиболее подходит в нашем случае, поскольку именно от этого времени уцелели «лицевые» райские врата, сохранившие все свои части: сень, створки и столбики (иногда – если таковая предусматривалась в их конструкции – коруну). В качестве примера возьмем царские врата Спасо-Преображенской церкви Кирилло-Белозерского монастыря (КБМИАХМ № Дж 551) [27, с. 54 – 56; 7, с. 4; 9, с. 106], созданные около 1595 г. Врата состоят из двух столбиков, двух створок и сени и принадлежат к типу «с Благовещением и Евангелистами на створках», изображенными в сопровождении своих символов. Наиболее насыщены изображениями столбики врат: святители и диаконы представлены на стволе столбиков, а в их яблоках – Христос и херувим (на яблоке левого столбика), серафим и Богородица (на яблоке правого столбика). Однако нас будут занимать только образы с их сени: по центру представлен живописный медальон с Богородицей Знамение в звездах и розовых облаках. По сторонам – Причащение хлебом (слева) и Причащение вином (справа), под ними – ангелы в стихарях с рипидами. Богородица Знамение как образ Хлеба, из которого изымается тело Христа

[11, с. 38], – один из символов Евхаристии, и включение его в иконографическую программу райских дверей, перед которыми верующие причащались Тела и Крови Христа, закономерно (в качестве еще одного примера изображения Богородицы Знамение на сени святых дверей назовем резные врата инока Исаяи 1562 года) [1, с. 170–181]. Но, анализируя содержание входных молитв, можно предположить, что этот образ отнюдь не носил абстрактный догматический характер: именно к нему обращался в молитве священник в начале богослужения, произнося слова: «О тебе радуется обрадованная вся тварь, архангельский собор и человеческий род, освященная Церковь, раю словесный, девственная похвало, из нея же Бог воплотился и младенец бысть, прежде век сый Бог наш. Ложесна бо твоя престол сотвори, и чрево твое пространнее небес содела». Именно к нему была адресована и другая молитва, встречавшаяся в современных произведению служебниках среди молитв входа, – «Бога из тебе воплощагося» [8, с. 198; 15]. Эти молитвы – словно словесное описание иконы Богоматери Знамение в том ее виде, что представлена на рассматриваемых вратах. Мы смеем предположить, что следует также если не снять, то, по крайней мере, прокомментировать символично-догматический характер образа Троицы, Новозаветной и Ветхозаветной, часто изображаемого на сени царских врат (царские врата из новгородской церкви Петра и Павла в Кожевниках (НГМ № 7737, 7751, 11146, середина XVI в., 214 × 115), из церкви Кирилла Белозерского (придела Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря) (КБИАХМ № Дж – 145, 1645 г., 288 × 125), сень царских врат из Николо-Комельского монастыря (АОМИИ № 279-држ, сер. XVI века, 62, 3 × 121) и другие). Алтарь, где находится престол Божий, мыслится как Небо Небес, Рай, поэтому изображение Троицы на райских дверях вполне соответствует их назначению – быть вратами царства Святой Троицы. Кроме того, Ветхозаветная Троица отсылала зрителя к теме жертвоприношения Авраама, к прообразу Великого Четверга, и с этой точки зрения в иконе Троицы царских

врат нужно видеть отражение действий литургии (пронесение через святые двери Святых Даров во время Великого Входа и вынос Святых Даров райскими вратами для причащения верных). Молитвы входа немногочисленны, однако среди них, как правило, присутствует тропарь и кондак Св. Троице [8, с. 196.], и зачастую – молитва «Восходяи в дом твой Боже поклоняюся Отцу и Сыну и Святому Духу нераздельну существом во три лица едино божество во трех естествах» [10, с. 7; 15], и эти молитвы, произносимые перед райскими дверями, прекрасно согласовывались с изображениями на них.

В некоторых древнерусских служебниках XVI в. во время чтения входных молитв прямо предписывается целование икон на царских дверях: Благовещения с чтением тропаря праздника, Евангелистов с чтением тропаря «Апостоле Христов и евангелист», Василия Великого и Иоанна Златоуста с чтением тропарей этих святых [2, с. 65–66]. Эти молитвы могут навести на мысли о вторичности их содержания по отношению к образам царских врат. И действительно, скорее всего, здесь происходило взаимное влияние: как молитвы могли инспирировать появление новых сюжетов в иконографической программе царских врат, так и сами образы райских дверей могли служить источником нововведений в богослужебной практике.

Подведем итоги вышесказанного. В статье показан лишь метод изучения иконографии царских врат, заключающийся в раскрытии «богослужебной актуальности» тех образов, что размещались на них. Открытие и закрытие «райских дверей», входение и исхождение ими священнослужителей, вынесение сквозь них Святых Даров, моление и поклоны перед ними являлись неотъемлемой частью богослужения, и неотъемлемой органичной ее частью становились благодаря этому сами врата и их изображения. Мы попытались раскрыть эту мысль на примере образов Христа, Богородицы, Богоматери Знамение и Троицы, все эти изображения часто включались в ико-

нографическую программу райских дверей XVI–XVII вв., отражая современное состояние входных молитв, предваряющих литургию. Под этим углом зрения нами были рассмотрены лишь входные молитвы, хотя прочие части литургии также оказывали свое воздействие на лицевые изображения райских врат.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вахрина В. И.* Иконы Ростова Великого. М.: Северный Паломник, 2003. 415 с.
2. *Дмитриевский А. А.* Богослужение в русской церкви в XVI веке. Ч. 1. Службы круга седмичного и годового и чинопоследования таинств. Казань, Типография Императорского Университета, 1884. 434 с.
3. Иконы Кирилло-Белозерского музея – заповедника. М.: Северный Паломник, 2003, 317 с.
4. Иконы Русского Севера. Шедевры Древнерусской живописи Архангельского музея изобразительных искусств. Т. 1. М.: Северный Паломник, 2007. 501 с.
5. *Лаурина В. К.* Об одной группе новгородских провинциальных врат // ДРИ. Художественная культура Новгорода. М.: Наука, 1968. С. 145–178.
6. *Лидов А. М.* Чудотворные иконы в храмовой декорации. О символической программе императорских врат Софии Константинопольской // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М.: Мартис, 1996. С. 44–71.
7. *Никанорова Л. В.* Церковь Преображения Кирилло-Белозерского монастыря. М.: Северный Паломник, 2003. 98 с.
8. *Одинцов Н. Ф.* Порядок общественного и частного богослужения в древней России до XVI века (Церковно-историческое исследование). СПб.: Л. И. Тузов, 1881. 300 с.
9. Описание строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 года. СПб.: Петербургское востоковедение, 1998 / сост. З. В. Дмитриева и М. Н. Шаромазов. 360 с.
10. *Орлов М. И.* Литургия святого Василия Великого. СПб.: Синодальная типография, 1909. 413 с.
11. *Пивоварова Н. В.* Фрески церкви Спаса на Нередице в Новгороде: Иконографическая программа росписи. СПб.: Издательство АРС, 2002. 255 с.
12. *Покровский Н. В.* Заметки о памятниках псковской церковной старины. М.: Светильник, 1914. 39 с.
13. *Пуцко В. Г.* Царские врата из Кривецкого погоста. К истории алтарной преграды на Руси // Сборник за Ликовне Уметности. Нови Сад, 1975. С. 53–78.
14. РНБ. Сол. 1101 / 1210. л. 163–165 об.
15. РНБ. Сол. 1029 / 1138. л. 77–80 (Служебник XVI века).
16. *Сарабьянов В. Д.* Новгородская алтарная преграда домонгольского периода // Иконостас. Происхождение – развитие – символика. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 312–359.
17. *Сизоненко Т. Д.* О ветхозаветной символике царских врат древнерусского иконостаса // Иконостас. Происхождение – развитие – символика. М.: Прогресс – Традиция, 2000. С. 502–517.
18. *Служебник. М.*, Издательский совет РПЦ, 2004. 592 с.
19. *Смирнова Э. С.* Иконы XI века из Софийского собора в Новгороде // Иконостас. Происхождение – развитие – символика. М.: Прогресс – Традиция, 2000. С. 267–292.
20. *Смирнова Э. С.* Живопись Великого Новгорода. Середина XIII – начало XV века. М.: Наука, 1976. 361 с.
21. *Смирнова Э. С., Лаурина В. К., Гордиенко Э. А.* Живопись Великого Новгорода. XV век. М.: Наука, 1982. 575 с.
22. *Сперовский Н. А.* Старинные русские иконостасы. Царские двери, сень и столбцы // Высокий русский иконостас. М.: Патриаршие пруды, 2004. С. 9–134.
23. *Стерлигова И. А.* Драгоценное убранство алтарей древнерусских храмов XI–XIII веков (по данным письменных источников) // Иконостас. М.: Прогресс – Традиция, 2000. С. 360–377.
24. *Тренев Д. К.* Иконостас Смоленского собора московского Новодевичьего монастыря. Образцовый русский иконостас XVI – XVII вв. с прибавлением краткой истории иконостаса с древнейших времен. М.: Церковно-археологическое отделение общества любителей духовного просвещения, 1902. 185 с.

25. *Троицкий Н. И.* Иконостас и его символика // Высокий русский иконостас, М.: Патриаршие пруды, 2004. С. 137–162.
26. *Уайбру Х.* Православная литургия. М.: ББИ, 2000, 212 с.
27. *Шаромазов М. Н.* Иконы церкви Преображения Кирилло-Белозерского монастыря // Ферапонтовский сборник. Вып. VII. М.–Ферапонтово: Индрик, 2006. С. 41–78.
28. *Шалина И. А.* Врата с «притчами» как символический вход в дом Премудрости // ДРИ. Русское искусство позднего средневековья: XVI век. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 269–293.
29. *Chatzidakis M.* L'evolution de l'icone aux XI – XIII siècles et la transformation du templon // Art et archeologie. Afines, 1981. Vol. 1. p. 159–191.
30. *Drandaki A.* Greek Icons 14th–18th century. The Rena Andreadis Collection. Milano, Skira, 2002. 291 p.
31. *Felicetti-Liebenfels W.* Geschichte der byzantinischen Ikonenmalerei. Basel, Lausanne, 1956. 139 S.

SPISOK LITERATURY

1. *Vakhrina V. I.* Ikony Rostova Velikogo. М.: Severny Palomnik, 2003. 415 s.
2. *Dmitriyevskiy A. A.* Bogosluzheniye v russkoy tserkvi v XVI veke. Ch. 1. Sluzhby kruga sedmichnogo i godichnogo i chinoposledovaniya tainstv. Kazan', Tipografiya Imperatorskogo Universiteta, 1884. 434 s.
3. Ikony Kirillo-Belozerskogo muzeya – zapovednika. М.: Severny Palomnik, 2003, 317 s.
4. Ikony Russkogo Severa. Shedevry Drevnerusskoy zhivopisi Arkhangel'skogo muzeya izobrazitel'nykh iskusstv. T. 1. М.: Severny Palomnik, 2007. 501 s.
5. *Laurina V. K.* Ob odnoy gruppe novgorodskikh provintsial'nykh vrat // DRI. Khudozhestvennaya kul'tura Novgoroda. М.: Nauka, 1968. S. 145–178.
6. *Lidov A. M.* Chudotvornye ikony v khramovoy dekoratsii. O simvolicheskoy programme imperatorskikh vrat Sofii Konstantinopol'skoy // Chudotvornaya ikona v Vizantii i Drevney Rusi. М.: Martis, 1996. S. 44–71.
7. *Nikanorova L. V.* Tserkov' Preobrazheniya Kirillo-Belozerskogo monastyrya. М.: Severny Palomnik, 2003. 98 s.
8. *Odintsov N. F.* Poryadok obshchestvennogo i chastnogo bogosluzheniya v drevney Rossii do XVI veka (Tserkovno-istoricheskoye issledovaniye). SPb.: L. I. Tuzov, 1881. 300 s.
9. Opis' stroyeniy i imushchestva Kirillo-Belozerskogo monastyrya 1601 goda. SPb.: Peterburgskoye vostokovedeniye, 1998 / sost. Z. V. Dmitriyeva i M. N. Sharomazov. 360 s.
10. *Orlov M. I.* Liturgiya svyatogo Vasiliya Velikogo. SPb.: Sinodal'naya tipografiya, 1909. 413 s.
11. *Pivovarova N. V.* Freski tserkvi Spasa na Nereditse v Novgorode: Ikonograficheskaya programma rospisi. SPb.: Izdatel'stvo ARS, 2002. 255 s.
12. *Pokrovskiy N. V.* Zametki o pamyatnikakh pskovskoy tserkovnoy stariny. М.: Svetil'nik, 1914. 39 s.
13. *Putsko V. G.* Tsarskiye vrata iz Krivetskogo pogosta. K istorii altarnoy pregrady na Rusi // Zbornik za Likovne Umetnosti. Novi Sad, 1975. S. 53–78.
14. RNB. Sol. 1101 / 1210. l. 163–165 ob.
15. RNB. Sol. 1029 / 1138. l. 77–80 (Sluzhebnyk XVI veka).
16. *Sarab'yanov V. D.* Novgorodskaya altarnaya pregrada domongol'skogo perioda // Ikonostas. Proiskhozhdeniye – razvitiye – simbolika. М.: Progress-Traditsiya, 2000. S. 312–359.
17. *Sizonenko T. D.* O vetkhozavetnoy simbolike tsarskikh vrat drevnerusskogo ikonostasa // Ikonostas. Proiskhozhdeniye – razvitiye – simbolika. М.: Progress – Traditsiya, 2000. S. 502–517.
18. Sluzhebnyk. М., Izdatel'skiy sovet RPTs, 2004. 592 s.
19. *Smirnova E. S.* Ikony KhI veka iz Sofiyskogo sobora v Novgorode // Ikonostas. Proiskhozhdeniye – razvitiye – simbolika. М.: Progress – Traditsiya, 2000. S. 267–292.
20. *Smirnova E. S.* Zhivopis' Velikogo Novgoroda. Seredina KhIII – nachalo XV veka. М.: Nauka, 1976. 361 s.
21. *Smirnova E. S., Laurina V. K., Gordiyenko E. A.* Zhivopis' Velikogo Novgoroda. XV vek. М.: Nauka, 1982. 575 s.
22. *Sperovskiy N. A.* Starinnye russkiye ikonostasy. Tsarskiye dveri, sen' i stolbtsy // Vysokiy russkiy ikonostas. М.: Patriarshiye prudy, 2004. S. 9–134.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

23. *Sterligova I. A.* Dragotsennoye ubranstvo altarey drevnerusskikh khramov Khl–XIII vekov (po dannym pis'mennykh istochnikov) // Ikonostas. M.: Progress – Traditsiya, 2000. S. 360–377.

24. *Trenev D. K.* Ikonostas Smolenskogo sobora moskovskogo Novodevich'ego monastyrya. Obraztsovy russkiy ikonostas XVI – XVII vv. s pribavleniyem kratkoy istorii ikonostasa s drevneyshikh vremen. M.: Tserkovno-arkheologicheskoye otdeleniye obshchestva lyubiteley dukhovnogo prosveshcheniya, 1902. 185 s.

25. *Troitskiy N. I.* Ikonostas i ego simbolika // Vysokiy russkiy ikonostas, M.: Patriarshiye prudy, 2004. S. 137–162.

26. *Uaibru Kh.* Pravoslavnaya liturgiya. M.: BBI, 2000, 212 s.

27. *Sharomazov M. N.* Ikony tserkvi Preobrazheniya Kirillo-Belozerskogo monastyrya // Ferapontovskiy sbornik. Vyp. VII. M.–Ferapontovo: Indrik, 2006. S. 41–78.

28. *Shalina I. A.* Vrata s «pritchami» kak simbolicheskiy vkhod v dom Premudrosti // DRI. Russkoye iskusstvo pozdnego srednevekov'ya: XVI vek. SPb.: Dmitriy Bulanin, 2003. S. 269–293.

29. *Chatzidakis M.* L'évolution de l'icone aux XI – XIII siècles et la transformation du templon // Art et archeologie. Afines, 1981. Vol. 1. p. 159–191.

30. *Drandaki A.* Greek Icons 14th–18th century. The Rena Andreadis Collection. Milano, Skira, 2002. 291 p.

31. *Felicetti-Liebenfels W.* Geschichte der byzantinischen Ikonenmalerei. Basel, Lausanne, 1956. 139 s.